

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

М.А. Козлова

«ГОСТИ СТОЛИЦЫ» В ГЛАЗАХ МОСКВИЧЕЙ: МОРАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОЦЕНОК МИГРАЦИИ*

В статье анализируются результаты проведения фокус-групп в рамках исследования факторов взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения. В фокусе интереса — моральные основания восприятия миграции и мигрантов принимающим населением г. Москвы. Теоретическую рамку интерпретации полученных результатов составили теория моральных оснований и теория моральных мотивов. Участниками фокус-групп продемонстрировано активное эмоциональное неприятие миграции в Москву через проговаривание всех популярных «кавказских» тем. Доминирование в оценках «моральных» эмоций позволяет обратиться к анализу моральной составляющей представлений принимающего населения о миграции и мигрантах. Моральное основание «ингрупповая сплоченность / лояльность к “своим”» актуализируется восприятием принимающим населением угрозы со стороны мигрантов. В качестве маркеров принадлежности к группе «своих» представителями принимающего населения рассматриваются преимущественно культурные символы и воспроизводимые практики, которые переводятся в статус сакральных. Использование концепта «дом» закрепляет представление о границах между «своими» — «коренными» — и «чужими» — «приезжими», и становится основанием иерархического порядка — неравноправие «хозяина» и «гостя» отчетливо осознается участниками фокус-групп. Результаты проведенного анализа позволяют заключить, что моральные основания: «сплоченность группы», «уважение к авторитету / вертикальность», «почитание священных для группы объектов» поддерживаются мотивацией избегания и становятся базой утверждения морали социального порядка, ориентированной на гомогенизацию группового состава и непроницаемость групповых границ. Таким образом, мораль,

* Исследование проведено при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Проект «Идентичность и межкультурное взаимодействие на постсоветском пространстве».

Козлова Мария Андреевна — кандидат исторических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (makozlova@yandex.ru)

Kozlova Maria — Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of General Sociology, School of Sociology, Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics (makozlova@yandex.ru)

ориентированная на обеспечение безопасности группы, становится основой распространения дискриминационного дискурса и соответствующих практик и способствует расширению социальной поддержки уже сточения миграционной политики государства.

Ключевые слова: миграция, межгрупповое восприятие, мораль, социальный порядок, дискриминация.

Введение. Постановка проблемы

Центральный федеральный округ России (ЦФО) — типичный регион-реципиент, где миграция на постоянное проживание выступает фактором роста численности трудоспособного населения* и в значительной степени — фактором сдерживания темпов депопуляции. Концентрация мигрантов в регионах ЦФО обусловлена действием ряда факторов: производственной специализацией регионов, близостью территорий к регионам выбытия, наличием и развитием связей между районами приложения труда и выхода мигрантов и проч. При том что объективно страна в целом и центральные округа в частности нуждаются в притоке мигрантов, значительная часть населения разделяет представление о том, что без мигрантов можно обойтись (Толерантность против ксенофобий 2005; Нужны ли иммигранты... 2006).

Оставляя в данном случае за границами внимания приток мигрантов из стран, образовавшихся после распада СССР, сосредоточимся на процессах внутренней миграции. Объем миграционных перемещений внутри России, сократившийся в 1990-е гг., оставался достаточно стабильным на протяжении 2000-х: число регистрирующихся на новом месте жительства в 2002–2011 гг. колебалось в пределах двух миллионов человек (наименьшее число внутренних мигрантов зарегистрировано в 2009 г. — 1708 тыс. чел., наибольшее — в 2011 г. — 2059 тыс. чел.). Последующее резкое увеличение числа зарегистрированных мигрантов обусловлено изменениями правил учета долговременной миграции, в соответствии с которыми в 2012 г. было зарегистрировано на 24 % больше мигрантов, чем в 2011 г. За первое полугодие 2014 г. число мигрантов, сменивших место жительства в пределах России (без учета Крымского федерального округа), увеличилось на 1,8 % — 38,1 тыс. чел. — по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года — и составило 2112,6 тыс. чел. (Демографические итоги... 2014).

Интенсивность межгруппового взаимодействия формирует у принимающего населения определенное мнение относительно миграции, мигрантов и взаимоотношений с ними. Социологические опросы ведущих центров изучения общественного мнения — Фонда общественного мнения, ВЦИОМ, Левада-Центра — представляют богатый материал, позволяющий проанализи-

* Хотя есть и другие способы компенсировать убыль трудовых ресурсов (увеличение пенсионного возраста, повышение производительности труда, активизация внутренней мобильности), иммиграция остается наиболее дешевым и быстрым решением.

ровать бытующие представления о межэтнических отношениях и содержание сложившихся стереотипных образов контактирующих групп.

Так, по оценкам населения, мигрантов «много» или «очень много» во всех областях — как в Москве и Московской области, которые получают наибольшую долю международной и внутренней миграции, так и в Брянской области, куда приток мигрантов довольно слаб (Отношение к мигрантам-соседям... 2011).

Оценку роста числа мигрантов принимающим населением можно определить как «двойственную с уклоном в негатив» (Отношение к мигрантам... 2012): отвечая на вопрос «Как Вы оцениваете полезность мигрантов для общества, от них больше пользы или вреда?», 10,4 % ответили «больше пользы», 36,4 % — «примерно поровну, и пользы и вреда», 47,9 % — «больше вреда», 5,2 % — затруднились ответить. Миграция осознается как проблема, причем как проблема острая — москвичей она беспокоит сильнее безработицы, неблагоприятных экологических условий или коррупции (Национальная политика... 2012).

В общественно-политическом дискурсе тема миграции представляется частую в моральном контексте. При этом общественные деятели, выступающие за ограничение потоков миграции в Россию в целом и в ЦФО в частности, апеллируют к патриотическим моральным чувствам, «священным» основаниям чистоты (культуры или крови — это уж у кого на что «запала» хватает). Сторонников либерализации, напротив, как правило, обвиняют в пренебрежении интересами государства и его граждан, отсутствии патриотизма и попустительстве по отношению к тем факторам, которые представляют потенциальную угрозу безопасности общества.

В рамках влиятельных современных социально-психологических подходов эмпирически демонстрируются точки возникновения противоречий между представителями консервативного и либерального политических лагерей, лежащие именно в сфере морали. Так, Дж. Хайдт с коллегами утверждают, что моральные суждения и поведение либералов ориентированы на индивидуализирующие моральные основания заботы («Care / harm») (предполагающей защиту и опеку нуждающегося) и справедливости («Fairness / cheating») (распределение наказаний и поощрений в соответствии с установленными правилами), производящие добродетели и практики, направленные на защиту людей друг от друга и позволяющие им жить как автономным агентам, которые могут сосредоточиться на своих собственных целях. Моральные основания внутригрупповой сплоченности («Loyalty / betrayal») (верность интересам группы, оправдание «своих»), почитание авторитета («Authority / subversion») (безоговорочное признание и подчинение традициям и индивидам, наделенным властными полномочиями) и нравственной чистоты («Sanctity / degradation») (почитание объектов, наделенных группой статусом священных) обозначаются Дж. Хайдтом как связующие основы, потому что добродетели, практики и институты, создаваемые ими, служат для связывания (объединения) людей в иерархически организованные взаимозависимые социальные группы, которые пытаются регулировать повседневную жизнь и личные привычки своих членов (Haidt,

Joseph 2007). Именно на эти связующие основания, как демонстрируют данные, полученные Дж. Хайдтом с коллегами, ориентированы в своих суждениях и поступках представители консервативного политического лагеря. Исследователи, кроме того, подчеркивают, что либералы полагаются только на два нравственных основания, в то время как консерваторы — на все пять (Graham et al. 2009). Учитывая также указание на зависимость благополучия группы от выраженности связующих моральных оснований, мы получаем социально-психологическое объяснение тех взаимных упреков, о которых говорили чуть ранее.

Впрочем, исследования в области психологии морали последних лет позволяют оспорить описанную позицию. Так, авторы теории моральных мотивов утверждают, что моральные основания, указанные Дж. Хайдтом в качестве «связующих», — возможно, не единственные, способные обеспечить благополучие группы (Janoff-Bulman, Carnes 2013). Суть различий между разными «группоориентированными» моральными системами состоит в доминирующей мотивации, на основании которой строится каждая из них: достижение против избегания. Поведенческая система, базирующаяся на мотивации избегания, чувствительна к наказаниям и негативным последствиям. Система, основанная на достижении, чувствительна к поощрениям и положительным результатам. Применение этих различий к области морали позволяет «развести» запрещающую и предписывающую мораль (Janoff-Bulman 2011): первая — мораль социального порядка — ориентирована, преимущественно, на обеспечение выживания и безопасности группы, вторая — мораль социальной справедливости — на рост благополучия. Приоритет морали социального порядка, основанной на ценностях безопасности, требует от группы гомогенности и иерархичности, возведения непреодолимых границ, а от входящих в группу индивидов — высокой значимости групповой идентичности (определяющей маркеры тождественности), лояльности и конформности. В результате особенно весомой становится однозначная идентификация «своих» и «чужих» — тех, кто включен, и кто не включен в группу — что сочетается с бдительностью в поиске предателей. Таким образом, верность группе проявляет свою «темную сторону» — оправдание насилия, направленного на аутгруппы (Leidner et al. 2010). Участие в конкретных формах поведения, и, что более важно, подавление иных форм поведения и образа жизни, оцениваемого группой как «девиантный», имеет решающее значение для морали социального порядка. Напротив, мораль социальной справедливости, центрированная на обеспечении равенства доступа к ресурсам и распределения общественного блага, основана на признании общности целей, а не на идентификации с себе подобными и, соответственно, допускает значительно большую степень внутригрупповой неоднородности и проницаемости границ. Возвращаясь к проблеме противостояния в политической сфере, отметим, что либералы, как демонстрируют результаты эмпирических исследований, поддерживают мораль социальной справедливости, а консерваторы — мораль социального порядка (Janoff-Bulman, Carnes 2013).

На основании результатов эмпирического исследования взаимного восприятия мигрантов и принимающего населения Москвы, проведенного в 2013 г., постараемся соотнести теоретические положения, выдвинутые в рам-

ках двух описанных подходов к пониманию «группоориентированной» морали, и определить доминирующую мотивацию, лежащую в основе моральных оценок миграции и мигрантов представителями принимающего населения. Отметим, что хотя конечная цель исследования предполагает «взгляд с разных позиций» — отражение ситуации с точки зрения и принимающего населения, и мигрантов (что обусловило дизайн выборки для проведения фокус-групп, табл. 1) — в данной статье ограничимся рассмотрением одной перспективы. Статья посвящена анализу моральных оснований оценок миграции и отношения к мигрантам со стороны принимающего населения Москвы. Иными словами, мы попытаемся ответить на вопрос: каковы глубинные — моральные — основания поддержки половиной населения Москвы и ЦФО лозунга «Россия — для русских» (Общественное мнение 2012: 179; Отношение к мигрантам-соседям... 2011) и соответствующих политических мер регуляции миграционного движения населения РФ. Полученные в ходе работы над проектом результаты проведения фокус-групп с участием мигрантов из республик Северного Кавказа используются в данной статье скорее в качестве иллюстраций, тем не менее, важных для демонстрации распространения и укоренения дискурса в отношении миграции и взаимного отношения принимающего населения и мигрантов.

В качестве основных выдвинуты следующие *исследовательские вопросы*:

Какие моральные основания актуализируются у представителей принимающего населения ЦФО при оценке миграции и мигрантов?

На достижение каких групповых целей они ориентированы и какие средства достижения этих целей предполагают?

В поисках ответа на поставленные вопросы изложим полученные результаты в соответствии с логикой теоретического осмысления группоориентированных моральных систем (Janoff-Bulman, Carnes 2013): рассмотрим валентность и репрезентируемые основания оценок миграции принимающим населением, характер репрезентации в дискурсе участников фокус-групп сплоченности «своих» и «чужих», определенности межгрупповых границ, гомогенности

Таблица 1

Дизайн выборки

№ ФГ*	Профиль респондента	Пол	Возраст	N
1	Русские из числа коренного населения Москвы	муж	17–25	6
2			26–60	7
3		жен	17–25	8
4			26–60	7
5	Представители северокавказских народов, проживающие в Москве	муж	17–25	7
6			26–60	6
7		жен	17–25	9
8			26–60	8

* Здесь и далее — фокус-группа.

(актуальной и желательной) сообщества, определяемого как «мы», и параметры, по которым индивиды оцениваются принимающим населением как «свои» и «чужие».

Прежде чем приступить к анализу моральных оснований оценок москвичами миграции и мигрантов, представим дизайн проведенного исследования.

Организация исследования

Предмет исследования — моральные аспекты восприятия феномена миграции и мигрантов из республик Северного Кавказа населением Москвы.

Объект исследования: население Москвы в возрасте от 17 до 60 лет: русские (коренное население в нескольких поколениях) и представители народов Северного Кавказа, проживающие в Москве не менее 1 года.

В исследовании использовалась целевая выборка, ориентированная на поиск индивидов, суждения и оценки которых могут быть показательны (информационно насыщенные) для изучения морального компонента взаимоотношений мигрантов и принимающего населения в Москве.

Использование метода фокус-группы позволяет исследовать процессы взаимной адаптации представителей принимающего населения и мигрантов в тех интерпретациях, которые продуцируются самим акторами, и вскрыть, таким образом, моральную основу оценок миграции и мигрантов принимающим населением.

На первом этапе использовалось открытое кодирование по предложениям и параграфам по принципу «главная идея». На втором этапе применялось избирательное кодирование, выстраивалась ось ключевых категорий. Далее использовалось осевое кодирование: вокруг центральной темы — «Моральные аспекты взаимоотношений мигрантов и принимающего населения» — шел поиск подтем, которые проясняли основную тему: группоориентированные моральные основания — сплоченность / лояльность к «своим», уважение к авторитету, почитание священных для группы объектов, эмоциональные оценки миграции и мигрантов.

Группы проводились по гайду. Расшифровка записей фокус-групп оформлялась в транскрипты фокус-групп в формате Ms. Word.

Отношение москвичей к феномену миграции и мигрантам

Активное эмоциональное неприятие миграции в Москву продемонстрировали участники фокус-групп старше 25 лет: «*В выходные, пожалуйста, ты едешь в метро... Такое ощущение, что мы в кишлаке*» (Ж., 45 л.); «*Москва просто задыхается, мне кажется, уже*» (Ж., 32 г). При этом негативные эмоции вызывают все приезжие — независимо от территории исхода, в том числе и соотечественники из других регионов: «*Вся страна сюда едет. Вся страна. Раньше был лимит. Чтобы приехать в Москву, надо было в институт... поступить. Конкурс! И не было вот этого безобразия, как сейчас. А сейчас — пожалуйста. Захотел — вот он и приехал*» (Ж., 40 л.).

Среди причин негативизма участниками фокус-групп представляются следующие:

1. Ощущение опасности, исходящей от мигрантов: «*Какое-то ощущение тревожности, оно присутствует... И оно усиливается*» (Ж., 40 л.).
2. Конкуренция на рынке труда: «*Несколько лет пытаюсь найти работу. Паспорт — москвичка — до свидания. Вот это как ?*» (Ж., 36 л.); «*Работы и вообще места в Москве уже нет, серьезно*» (Ж., 33 г.).
3. Конкуренция в доступе к разного рода социальным сервисам. Женщинами чаще всего отмечаются проблемы в сфере дошкольного и школьного образования и качество образовательных услуг, ответственность за снижение которого также приписывается мигрантам: «*А в школах уже засилье... вот там вот учится мигрантских, которые именно туповатые, они тормозят развитие других*» (Ж., 45 л.).
4. Некая эмоциональная «усталость», возможно, как последствие ранее названных факторов, от постоянных столкновений с Другими: «*Мы это понимаем, что они вынуждены, но мы все равно страдаем*» (Ж., 45 л.).

Итак, участниками фокус-групп проговорены все популярные «кавказские» темы: обилие «кавказцев» в российских (как принято говорить, «на 90 % русских») городах; их предприимчивость, наносящая вред «коренным русским» жителям; их «традиционная» сплоченность, соответственно, угроза солидарных действий в конфликтных ситуациях; связь миграции с Кавказа и роста преступности в российских городах; кавказские / горские стереотипы общественного поведения (в том числе, сексизм и стремление к показному потреблению). Эмоциональный фон дискурса, как мы видим из представленных выше цитат, определяется чувством тревоги, источником которой становится воспринимаемая (воображаемая) конкуренция между группами за ограниченные материальные и нематериальные ресурсы — рабочие места, жилье, власть, безопасность, мораль и идентичность (Scheepers et al. 2002; Stephan W., Stephan C. 2000).

Доминирование в оценках эмоций, относимых к «моральным» (Ролз 1995), — гнева, возмущения, отвращения — позволяет нам обратиться непосредственно к анализу моральной составляющей представлений принимающего населения о миграции и мигрантах. «Межгрупповой» контекст анализируемых представлений предполагает, что и моральные основания, составляющие их базис, относятся к числу регламентирующих именно отношения индивида к группам «своих» и «чужих».

Моральные аспекты восприятия миграции и мигрантов

Ингрупповая сплоченность как моральное основание оценок миграции

«*Честно, я вообще толерантный человек и ... у меня нет какой-то неприязни внутренней, и не было никогда в жизни. Но, такое ощущение, что вот просто боишься уже... вот есть такой вопрос, что мы вот, ну, москвичи — не москвичи, у меня нет такого разделения, как бы не относилась «ой, я москвичка», хотя я родилась в Москве, к этому я совершенно нормально отношусь, но мы как-то вот живем... — очень уединенно, то есть у нас нет общности, клановости какой-то вообще*» (Ж., 32 г.). В приведенном высказывании подчеркивается значение объединяющих моральных оснований — ингруппового фаворитизма и сплоченности — для обеспечения жизне- и конкурентоспособности социальной

общности. Подобного рода высказывания звучат очень часто из уст как представителей принимающего сообщества, так и мигрантов. В словах первых — либо сожаление о том, что «мы» — менее сплоченные: *«На самом деле, нам тоже есть чему поучиться у них. Мне очень нравится, как они друг за друга стоят горой..., если у них какая-то беда случается — у них все сразу бросаются на помощь, а у нас, если что-то случилось, наоборот, все стараются обойти стороной»* (Ж., 19 л.), либо возмущение тем, что «они» более сплоченные: *«Мне кажется, что они в своей группе уважают, а к остальным людям, по большей части, по-другому относятся»* (Ж., 21 г.); *«Они все скопом бьют. Если еще кто-то из русских, то они могут один на один. А те перезовут всех родичей и будут бить все сразу... Они как-то так воспитаны стаями»* (Ж., 30 л.).

Показательно, что на темы, обсуждение которых сопровождается эмоцией возмущения, представители принимающего населения выходят даже в случаях, когда их спрашивают о другом. Так, при обсуждении вопроса о том, какие проблемы миграции умалчиваются или искажаются СМИ, представители принимающего населения затрагивают темы, которые СМИ не умалчиваются, что признают сами участники, но определяются как проблема, требующая обсуждения, т. е. «наболело»: *«Если семья богатая, они занимают какой-то пост — постоянно они своих людей толкают... Наверное, это есть и среди наших тоже, но там, мне кажется, хорошо развито... Про преступления хочется сказать. Если там кто-то чей-то брат или сват, тоже замалчивается, но это тоже, наверное, это может быть по-разному. Просто вот почему-то Северный Кавказ. Особенно чувствует свою такую, что у них там связи. Могут себя вести, так их откупят, это не замалчивается вообще-то... Мы и так это все знаем»* (Ж., 32 г.). Эта «невозможность промолчать» свидетельствует о моральной сущности испытываемых эмоций, об ощущении несправедливости. В особенности ярко моральная наполненность испытываемых чувств прозвучала в следующем высказывании: *«Если русские объединяются вместе, это называется «шовинизм», а у них это называется национальная традиция!»* (Ж., 43 г.). В приведенных высказываниях мы наблюдаем интересный феномен: представители доминирующей группы репрезентируют себя как меньшинство. При таком характере самовосприятия, естественно, ситуация оценивается как угрожающая, поскольку именно субъективная оценка размера ингруппы и аутгрупп, взаимодействующих в одном географическом пространстве, является значимым фактором возникновения и эскалации чувства опасности (Van der Meer, Tolsma 2014).

Очевидно, что значение моральных оснований, ориентирующих индивида и группу на поиск и поддержание сплоченности, возрастает в ситуации столкновения с «чужим», причем с таким чужим, который воспринимается как потенциально или реально угрожающий *«Негодование. Понаехали, тут возникает сразу ощущение страха»* (Ж., 20 л.); *«Вы знаете, я вот в СМИ, в Одноклассниках буквально видела, у девушки стоял статус: 2084 год — т. е. спустя многое время — “Папа, а правда, что здесь в Москве когда-то жили русские? Нет, это сказки”. Понимаете, они уже насколько?»* (Ж., 21 г.). Этот закономерный эффект межгруппового восприятия вполне осознается респондентами и четко артикулируется. Ощущаемая угроза становится, в свою очередь, основанием внутригруп-

повой интеграции: *«Люди при угрозах сплачиваются, как говорится»* (М., 20 л.) и выстраивания / поддержания четких непроницаемых групповых границ.

Ингрупповая сплоченность / межгрупповая дифференциация.

Конструирование границ в дискурсе проблем миграции

Обсуждая вопросы групповых границ, представленные в сознании принимающего населения, нельзя обойти весьма активно употребляемый в дискурсе вокруг проблем миграции концепт «дом»: *«Они приходят в мой дом и ведут себя нагло, почему я должен это терпеть»* (Ж., 20 л.). Дом — жилое пространство человека, символ семейного благополучия, противопоставляемый внешнему миру через бинарную оппозицию «свой — чужой» (Славянские древности 1995)*.

Концепт «дома» в дискурсе о миграции проявляется в самовосприятии представителей принимающего населения в качестве ключевого компонента, непосредственно создающего этот образ «местного»: *«Это человек, для которого это дом — если местный, то и местного может понять, и если с этим человеком и я местный, и другой, то мы мгновенно чувствуем друг друга. Мы в одном регионе, в одной семье, понимаем друг друга»* (М., 42 г.). Таким образом, дом репрезентируется как полностью освоенная и присвоенная среда. В приведенном высказывании концепт «дома» усиливается использованием концепта «семьи», что окончательно закрепляет происходящий переход от публичного пространства к приватному. В частном пространстве дома и семьи хозяин и гость не равны «по определению»: «хозяин» — субъект правотворчества, «гость» должен либо следовать установленным хозяином порядкам, либо «освободить помещение».

Это исходное неравноправие «хозяина» и «гостя» отчетливо осознается и проговаривается участниками фокус-групп, причем как москвичами, так и выходцами с Северного Кавказа.

Для представителей принимающего населения позиции «хозяин» / «гость» непосредственно задают вертикаль социальной структуры: *«Просто более высокие по рангу люди... Хозяин»* [при обсуждении вопроса «Каков образ представителя принимающего населения»] (М., 32 г.); *«Они от нас зависят. Тогда пускай они в своем случае тоже вежливо, тихонечко справляют свои обряды»* (Ж., 40 л.).

Вертикальность / иерархичность разделяется и приезжими: *«Это получается, да — придет в гости ко мне человек откуда-то и сделает то, что для меня в доме неприемлемо. Я посмотрю на него и культурно выскажу, постараюсь культурно. Не получится культурно — выскажу, как получится. Приезжаешь в гости — веди себя так, как ведут»* (Ж., 18-20 л.). Очевидно, что апелляция к концепту «дома», т. е. перевод проблемы из публичного пространства в приватное — закрепляет иерархический порядок.

* Концепт «дом» не раз становился предметом изучения в работах лингвистов, этнографов и антропологов (А.К. Байбурин, Е.Э. Бломквист, А.С. Будилевич, Н.Н. Воронин, А.В. Гура, Д.К. Зеленин, Ю.С. Степанов, В.В. Колесов и др.), в том числе и в связи с использованием в общественно-политическом дискурсе (Баранов, Караулов 1994; Чудинов 2001; Лакофф, Джонсон 2004).

Основания идентификации «своих» и «чужих»

Конструируемая дифференциация «мы» / «они» лишь немногими представителями принимающего населения осмысливается в категориях опыта, доминирующими оказываются высказывания в духе «современного», «дифференциалистского» расизма (П. Тагуев) — утверждение разности позиций по факту рождения: «*Это вот отношение негативное... ну культура низкая, внутренняя, нравственная культура низкая*» (Ж., 32 г.).

Маркерами принадлежности к группе «своих» оказываются преимущественно культурные символы и воспроизводимые практики, которые представителями принимающего сообщества переводятся в статус сакральных: язык, фольклор, религиозная вера и соответствующая символика: «*Нас всегда учили, что неприлично разговаривать на своем языке в присутствии других людей, а они это, наоборот, выставляют напоказ*» (М., 42 г.); «*Вот сейчас танцевали казаки наши танцы, вы знаете, танцевали лезгинку и наши казаки наш танец — я снимал это все. Вы знаете, мы показали, что мы на порядок выше и организованнее — у нас было не 3-5 человек, как они это делают, а было 70-100 человек, у них была музыка из магнитофона, а у нас играли на гармошках и били в бубны, они танцуют между собой и сами по себе — мальчики с мальчиками, а у нас были девочки — в платочках, в платицах, нормально танцевали, мы показали, что не просто танцуем, а еще у нас есть русские народные игры, забавы, где люди просто-напросто как-то упражняются и просто общаются, казачество показало, что они были с оружием и они умеют с этим оружием обращаться. Ну там кинжал, шашка и т. д. и люди, когда вокруг были — подходили, присоединялись — и количество людей возрастало. У них этого нету, люди пытаются обойти стороной как можно раньше. А к нам подходили — и женщины подходили, и дети — все радовались, хлопали. Это было действительно народное гулянье*» (М., 38 л.).

Тот же перечень сакральных объектов представлен в высказываниях участников из регионов Северного Кавказа: «*У нас в Осетии жила в нашем доме... одна женщина, она была армянка. Она половину своей жизни жила в Армении, потом по каким-то причинам переехала в Осетию. И она владела осетинским языком в совершенстве. Когда я ее спросила как-то: “Почему вы решили изучить осетинский”, она мне сказала: “Милая моя, я живу в этой республике, и я считаю, что я обязана хоть как-то быть... в этой культуре, вовлеченной в эту культуру”. Она сказала вот это слово, что она чувствовала свой моральный долг, потому что она должна это делать*»; (Ж., 20 л.); «*Нельзя выбежать со своим флагом на улицу, кричать: “Кавказ един” и танцевать лезгинку. Это ненормально. Значит, у человека нарушения какие-то психические, потому что это дикость. Это невоспитанность, это проявление какого-то животного инстинкта. “Вот я, посмотрите на меня, я такой горячий парень”. ... Это плохо, это ненормально*» (Ж., 22 г.)

Итак, очевидно, что «связующие» основания, по Дж. Хайдту, — ингрупповая лояльность, уважение к власти и почитание священных для группы объектов — отражают озабоченность порядком и безопасностью, т. е. составляют ту сферу моральной регуляции, которая зиждется на мотивации избегания и по своей сути является «запрещающей». Отсюда — и те меры по «оптимизации»

межгруппового взаимодействия, которые предлагаются участниками фокус-групп: «Я считаю просто, что должен быть главный процесс: то есть резко стереть все различия» (М., 20 л.); «Чтобы диалог наладить, чтобы правительство навело порядок — вот это образование с национальным колоритом в Чечне на чеченском языке и так далее. Везде одно и то же образование. Одни и те же правила. Одни и те же законы... Чтобы не преподавались религиозные основы, культурные основы, языковые основы. Государственный язык — русский. Если твой язык чеченский — ну не повезло тебе, что поделаться. На нем ты не будешь учиться в школе. Потому что такого государства, как Чечня, нету, есть Россия. И вот Российская Империя достаточно успешно ассимилировала население Средней Азии, Северного Кавказа и так далее. Просто не успели, не успели. Потом стали республики. Просто продолжать это, и все будет хорошо» (М., 21 г.).

Заключение

Итак, москвичи — участники фокус-групп продемонстрировали преимущественно негативное отношение к миграции и мигрантам, независимо от территории исхода. При этом ключевыми эмоциями, испытываемыми принимающим населением при столкновении с мигрантами, становятся беспокойство / страх и возмущение.

Представленный анализ результатов проведения в Москве фокус-групп позволил выявить в дискурсе проблем взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения акцент на необходимости установления социального порядка, который представляется респондентами через следующие опорные позиции:

- необходимость гомогенизации группового состава;
- важность общей идентичности (определяющей и маркеры тождественности — язык, повседневные практики);
- лояльность и конформность (по отношению к ингруппе).

Указанные три аспекта свидетельствуют о высокой ценности порядка и безопасности и, таким образом, отсылают нас к логике запрещающей группоориентированной морали социального порядка, одной из задач утверждения которой становится определение тех, кто включен, а кто не включен в группу. Этот акцент на определенности и незыблемости межгрупповых границ, естественно, сочетается с бдительностью в поиске врагов среди представителей аутгрупп и предателей внутри своей группы. Малопроницаемая межгрупповая граница, таким образом, призвана минимизировать внешние угрозы и опасности. Однако большая верность группе связана с большей агрессией и насилием, направленными на аутгруппы (Cohen et al. 2006; Kosterman, Feshbach 1989). При этом не верность группе как таковая порождает агрессию по отношению к аутгруппам (привязанность является неотъемлемой частью групповой принадлежности), а скорее та форма верности, которая формируется на основе сравнения своей группы с другими (Roccas et al. 2006). Таким образом, верность группе проявляет свою «темную сторону» — оправдание насилия, направленного на аутгруппы (Leidner et al. 2010).

Участие в конкретных формах поведения, и, что более важно, подавление иных форм поведения и образа жизни, оцениваемого как «девиантный» груп-

пой или обществом, получают, таким образом, моральное обоснование. Мораль социального порядка, ориентированная, прежде всего, на гомогенизацию группового состава, требует ужесточения контроля над образом жизни, над «личными» вопросами, такими как допустимые формы поведения, вопросы вероисповедания, соблюдение бытовых традиций и проч. Социальный порядок подчеркивает важность верности, служит защите членов группы.

Мораль социальной справедливости, центрированная на обеспечении равенства доступа к ресурсам и общественным благам, основанная на признании общности целей, а не на идентификации с себе подобными, допускающая значительно большую степень внутригрупповой неоднородности и проницаемости границ, не разделяется ни представителями принимающей стороны, ни мигрантами. Приоритет морали социального порядка реализуется через ориентацию принимающего населения на ужесточение мер, направленных на гомогенизацию «среды обитания», на ужесточение миграционной политики государства. Этот моральный базис политических ориентаций, закладываемый на ранних этапах социализации (Janoff-Bulman, Carnes 2013), закрепляется педагогическим дискурсом (Карпенко 2008; Козлова 2014), и моральные основания, обеспечивающие сплоченность ингруппы в сочетании с враждебностью по отношению к аутгруппам — ингрупповая лояльность / сплоченность, почитание авторитета, почитание священных для группы объектов — закрепляются в качестве «модулей», которые, с одной стороны, используются для выстраивания целостной системы мировоззрения, с другой — генерируют большое количество более конкретных систем оценивания и поведенческих моделей, которые помогают индивиду быстро и почти автоматически распознавать примеры ценных в данной культурной среде добродетелей и осуждаемых пороков и, в соответствии с проведенной оценкой, поддерживать или отвергать те или иные ценностные системы и практики.

Литература и источники

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: «Помовский и партнеры», 1994.

Демографические итоги I полугодия 2014 года // ДемоскопWeekly, 613-614, 6—19 октября 2014. [<http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/index.php>]. Дата обращения: 12.01.2015.

Карпенко О. Обучение «национальным» различиям: «народ» в школьных учебниках обществознания // В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов (ред.). Расизм в языке образования. СПб.: Алетейя, 2008, с. 47–88.

Козлова М.А. Учебная книга как инструмент закрепления морального порядка и управления многообразием: употребление категории «народ / этнос» в учебниках «Природоведение» и «Окружающий мир» // Журнал исследований социальной политики, 2014, 12(4), с. 583–598.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Национальная политика и отношение к мигрантам // Левада-Центр. Пресс-выпуск, 28.11.2012. [<http://www.levada.ru/28-11-2012/natsionalnaya-politika-i-otnoshenie-k-migrantam>]. Дата обращения 04.01.2015.

Нужны ли иммигранты российскому обществу? / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

Общественное мнение — 2012. М.: Левада-Центр, 2012.

Отношение к мигрантам / Интернет-опрос. <http://www.VoxRu.net>, 22.02.12. [http://faraa.ru/publ/otnoshenie_k_migrantam/7-1-0-298]. Дата обращения: 17.12.2014.

Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам / ФОМ СОЦ, опрос МегаФОМ, октябрь 2011. [<http://fom.ru/Mig/10442>]. Дата обращения 7.01.2015.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 1995.

Толерантность против ксенофобий / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М.: Институт социологии РАН, 2005.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Cohen T.R., Montoya R.M., Insko C.A. Group morality and intergroup relations: Cross-cultural and experimental evidence, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006, 32(11), pp. 1559–1572.

Graham J., Haidt J., Nosek B. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations, *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009, 96(5), pp. 1029–1046.

Haidt J., Joseph C. The moral mind: How 5 sets of innate moral intuitions guide the development of many culture-specific virtues, and perhaps even modules, in: Carruthers P., Laurence S., Stich S. (eds.). *The innate mind*. Vol. 3. New York, NY: Oxford University Press, 2007, p. 367–391.

Janoff-Bulman R. Conscience: The do's and don'ts of moral regulation, in: Milkuciner M., Shaver P. (eds.) *The social psychology of morality: Exploring the causes of good and evil*. Washington, DC: American Psychological Association, 2011, pp. 131–148.

Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities, *Personality and Social Psychology Review*, 2013, 17(3), pp. 219–236.

Kosterman R., Feshbach S. Towards a measure of patriotic and nationalistic attitudes, *Political Psychology*, 1989, 10, pp. 257–274.

Leidner B., Castano E., Zaiser E., Giner-Sorolla R. Ingroup glorification, moral disengagement, and justice in the context of collective violence, *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2010, 36(8), pp. 1115–1129.

Roccas S., Klar Y., Liviatan I. The paradox of group-based guilt: Modes of national identification, conflict vehemence, and reactions to the in-group's moral violations, *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, 91(4), pp. 698–711.

Scheepers P., Gijsberts M., Coenders M. Ethnic exclusionism in European countries: Public opposition to civil rights for legal migrants as a response to perceived ethnic threat, *European Sociological Review*, 2002, 18(1), pp. 17–34.

Stephan W.G., Stephan C.W. An integrated threat theory of prejudice, in: S. Oskamp (ed.), *Reducing prejudice and discrimination*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2000, pp. 23–45.

Van der Meer T., Tolsma J. Ethnic diversity and its effects on social cohesion, *Annual Review of Sociology*, 2014, 40, pp. 459–478.